

ТРЕТЬЯКОВ: Говорят, чтобы дойти до признания, надо умереть. Необязательно. Можно просто уехать...

А. ВАМПИЛОВ. «Дом окнами в поле».

Одним из итогов этого фестиваля театров, театральной и литературной критики являются признания пьес Александра Вампилова явлением классики. Никому не пришло в голову говорить о каких-либо драматургических просчетах автора. «Понятия, например, «пост-погодинская драматургия» не возникло, — подчеркнул сразу в своем докладе на конференции заведующий кафедрой театральной критики ГИТИСа Б. Н. Любимов. — «Пост-вампиловская драматургия» возникла как понятие о целом направлении».

Показанные на сцене областного драматического театра имени Н. Охлопкова спектакли подтверждали основные положения докладчиков со сцены. «Нынешние московские театры к театру Вампилова не готовы, — говорил Б. Н. Любимов. — Мне бы хотелось пожелать ему счастья и доброго пути, как неукротимой Валентине из пьесы «Прошлым летом в Чулимске».

Е. И. Стрельцова развивала свои наблюдения, изложенные в статье «Театр Вампилова: реальность и будущее»: «Театр Вампилова, при полной своей сценической недореализованности и невыраженности, существует как театр уже скомпрометированный, надоевший, банальный. Говорим о таланте, о классичности Вампилова-драматурга — молчим о том, что сценической судьбы у этого художника нет».

Лев Толстой, как известно, наследовал мысль Руссо о том, что промышленный, то бишь научно-технический прогресс не способствует нравственному. Вспомните мы добавляли: только в буржуазном обществе. Вампилов, как Шукшин, Белов, Астафьев, Айтматов, Распутин, заявляет: не только...

Попробуем приглядеться. Разобраться просто в зрительских, не режиссерских впечатлениях.

Я готов, как и все, по несколько раз смотреть спектакли и киносектакли по «Тартюфу», по «Ревизору», но у меня нет никакого желания видеть второй раз постановки по «Утиной охоте», телефильм по ней «Отпуск в сентябре». Заземленно, говоря недавним языком критики, хуже того, протокольно перерисованная копия того моиса, когда, по Гете, искусства нет, а есть два молса. Кто же виноват? Актеры? Сам автор? Но разве он замысливал Зилова в качестве прибалтийского типа, которого со вкусом и «заземлением» сыграл покойный Олег Даль в телефильме?

Вампилов при всей жесткости своей правды, парадоксальности ситуаций водевилей, традиционен по театральности сюжетов. Внешне легкие, чисто бытовые случаи, недоразумения служат завязкой. Знакомая по Мольеру, Лопе де Вега, Гоголю, Чехову-водевилисту театральность приемов, ходов; узнавания — не узнавания, переодевания, пассажи, уловки, разоблачения. Таня оказывается дочкой ректора. Хмельной Гомер — самый трезвый по убеждениям. Серьезный студент Колесов устраивает разные проделки на манер служанок из классицистской комедии. Ректор университета тоже склонен к уловкам. Все это

из «командировки», жена избивает его во лжи. Муженек ловко вывертывается (водевильная мизансцена). Получив удар со стороны не вовремя умершего отца, ушедшей жены, коллег, преподавших гробовой венок, Зилов натурально хочет застрелиться. Ему помешали. Но Виктор Александрович, заверив Диму, что он едет на охоту, приставляет дуло к груди. Почти в темноте звучит выстрел. Цепь водевильных положений превращена в натуральность нравов нынешней интеллигенции, с одной стороны, и трагедией еще одного «лишнего человека». Нет чувства меры. Душевного очищения зритель не выносит из театра. Вампилов превращен, домыслен до почти эпигона Золя. Утрирован? А нет ли вины драматурга?

Иркутский театр народной драмы стремится выстроить галерею типов и нравов общества. Есть намерение истолковать «Утиную охоту» как живую комедию. В задуманной условности оформления сценического пространства, пустоте вместо задника проглядывает несмелое желание уравновесить темные и светлые начала «зилловщины». Зилов «натурален» как современник и «лишний человек».

«Ретро», кинематографизм действия в «Утиной охоте» предполагают способность Зилова к самоанализу, определенное сочувствие автора своему герою, определенные надежды на него. Рассматривая вампиловский финал после финала, символику проясняющегося окна зилловской квартиры, Е. Стрельцова выделяет спасительную «трагедийную линию» возрождения Зилова, ради чего и была, собственно говоря, написана пьеса. Спасение «Утиной охоты» для сцены, для зрителя — в театральности и трагедийности. Да, это выход из театрального тупика. Поиск театральности — поиски гармоничности представления, действия, определения образов, сценических актерских акцентов, зрительского настроения и душевного очищения.

Трагедийность же слишком высокое понятие для Зилова. Безвыходность положения героя как результат ничем не обуздываемой пошлости, цинизма, лжи? Пробуждение Зилова, отрешение его через «ретро» — не вариант ли это наказания порока в классицистской комедии? «Зилов и другие» — это переложение масок общечеловеческих пороков, оставшихся неистребимыми. В том и состоит театральность, драматичность истины Александра Вампилова, поэтических и суровых. В комедиях «Прошание в июне», «Старший сын», драме «Прошлым летом в Чулимске» наши современники учатся искусству понимания друг друга, бескорыстия, духовному родству, отвергающему ложь, торгашество. В «Провинциальных анекдотах», «Утиной охоте» кончатся вера и безверие в добро, идеалы дружбы, любви, взаимопонимания, идеалы будущего. Условно фигурирует — Веселья, Серьезный, Красавица, Комсорг, Стогая из «Прошания в июне» — многозначительна. И все это не повод для отчаяния, обескураживания Александра Вампилова.

Представляется поучительным спектакль Иркутского областного драмтеатра «Воронья роша». Соединение двух действий, «Истории с метранпажем» и ее варианта, помогает зрителю почувствовать ход авторской мысли о пагубности невежества и недоверия в обществе. Создается эффект присутствия автора через любимые им песни на стихи Рубцова, Есенина. Довставшая по наследству замедленность действия, бытовые мизансцены приводят к ошутимому обескураживанию содержания, впечатления. Символика воровского казаканья и лирическая проникновенность музыки сплетаются механически. Гармония контрапункта нет.

Александр Вампилов гармоничен, театрален как мастер драматургически развиваемых сюжетов, характеров, положений. И есть в его пьесах моменты научения равновесия, созвучия.

«Горе от ума» А. Грибоедова — картина нравов, обычаев багской России, драма, почти трагедия Чацкого. Но это комедия по жанру, без всяких боев. То же самое можно сказать о «Ревизоре» Гоголя. Полноправный, возвышенный, облагораживающий тебя горой в комедии — смех, очистительный даже сквозь слезы. Натуральное же смешение бытового, комического и трагического — смешение гражданской и нравственной точек зрения, юмористического и сатирического пафосов. Мера прекрасного нарушена.

В самом тексте «Провинциальных анекдотов» есть уязвимость сугубо случайного, эпизодического. Духовного пространства нет. Авторский пафос — гражданственный, сатирический. Если его не выделить, не акцентировать специфическими средствами — значит Александра Вампилова скомпрометировать. В данном случае образы Викторич, Потапова, Фанни не должны быть приглушенными. В них душа автора.

Александр Вампилов — комедиограф с резко реалистической направленностью. В этом его новизна и сложность для театрального воплощения. Свои сочинения он не считал совершенными, бесконечно перерабатывал их.

Не будем губить настоящего драматурга с благородным сердцем снижением комедийного начала, усилением натуралистичности героя, действия. Режиссерская точка зрения пусть помогает автору, актеру, зрителю пощипать прекрасное, гармоничное, духовное.

П. ЗАБЕЛИН,
кандидат филологических наук.

ЗИЛОВ И „ЗИЛОВЩИНА“ ИСТОЛКОВАНИЙ

● Размышления после Вампиловских дней в Иркутске

Вот это-то и можно, мне кажется, назвать «загадкой Вампилова». Почему это московские театры не готовы к сценическому воплощению сочинений драматурга о сугубо нашей современности? Неужели столичные режиссеры и артисты разом лишились профессиональности? Не верится. Из переписки А. Вампилова с Е. Якушкиной явствует, что театр им. Маяковского в 1968 году заказал иркутскому драматургу-«анекдотчику» пьесу, которая потом стала называться «Прошлым летом в Чулимске». «Гончарову, — писал А. Вампилов Елене Леонидовне в конце февраля 1969 года, — при случае передайте, что подотчетный ему автор сильно замордован, но вовсе еще не пал духом и гнет потихоньку свою линию К новому сезону пьесу ему представляю. Называться она будет «Валентина». А. А. Гончаров — один из лучших театральных режиссеров в столице. Почему же пьеса до сей поры не поставлена на сцене театра им. Маяковского? Тем более, что в театрах идет эксперимент, перестройка, расчищенная пражле всего на быстрое сближение сцены и жизни.

Многие говорили об однозначности вампиловских образов, идей, которые не допускают вариантов режиссерских толкований. Что это за однозначность такая, как ее определить без недомолвок? Почему это исполнителям на сцене нельзя толковать по-своему драматургическую основу спектакля, справедливо вопрошал В. Кокорин, главный режиссер Иркутского ТЮЗа?

Любая постановка любого классика должна быть современной, нравственно и социально поучительной — разумеется, без «био механики», режиссерского произвола.

Прирожденный комедиограф, Александр Вампилов является создателем галереи правдивых общечеловеческих типов. Мне кажется, нельзя говорить об их абсолютной законности, художественной безупречности и нельзя забывать об общечеловеческом стержне их. Нас, привыкших к ведущему классово-историческому началу, это всегда отпугивает, заставляет куда-то на кого-то оглядываться, зачислять автора в разряд нужных, передовых или нет: в наше-то время он рисует общечеловеческие пороки, эти пережитки капитализма!.. А ежели алчность, торгашество, пошлость, приспособленчество, притворство, фарисейство, двуличие не исчезли в наши знаменательные дни, даже наоборот, приобрели и какую-то прелесть, за какие пережитки их считать? Социализма?

Настоящий художник как инженер человеческих душ понимает, что личность биосоциальна и трудно поддается изменению. Вот размышления Льва Толстого перед самым уходом из жизни, высказанные в письме к Бернарду Шоу: «...мне особенно поправилось Ваше отношение к цивилизации и прогрессу, та совершенно справедливая мысль, что сколько бы то и другое ни продолжалось, оно не может улучшить состояния человечества, если люди не переманятся».

примеры по «Прошанию в июне» — именно «Ярмарке» по замыслу! Не отяжеляем ли мы Вампилова этими пугающими началами — «трагикомическое», «трагическое» в расчете на уже никому не нужные ныне намеки, недоговоренность? Если приглядеться к этому «трагикомическому» Зилову по пьес его сценических вариациях, в нем можно разглядеть знакомое шутство пройдох Фигаро.

Зилов водит за нос всех: жену, любовницу, любящую его девушку, друзей, которым закатывает заранее обдуманной пассаж с избалованцем, самого себя — в мизансцене самоубийства. Мы никак не можем сбросить кандалы империиного вульгарно-социологического мышления и считаем, что представитель новой исторической общности, наш советский человек, является вешим развитием мировой личности. Не всегда. Не во все времена наши. И не в массе своей попою. Наш советский простой инженер может оказаться легкомысленным, лгунишкой, притворщишкой.

Таковым в школе своем и является Виктор Александрович Зилов. Он несет в себе старые общечеловеческие пороки, как и другие персонажи «Утиной охоты». Ирина — наивная чистота, Галина — верность семейным нормам, Дима — бездушие, Валерия — пролажность, расчетливость, Вега — циничное легкомыслие, Саяпин — глупец, трус, способный к злой проделке, Кушак — фарисей, Кузаков — по-состовственности, довольная случайно доставшимся куском. «Утинная охота» — это собрание живых мольеровских типов. Не это ли нас пугает, заставляет театрального Зилова представлять более сложным, глубоким, чем он есть? Если уж он трагикомичен, то не в привычном смысле. Нет в нем трагедийной верности вечным идеалам, он сам смеется над ними.

Нам по-прежнему мешает стереотип в виде рассудочных, просветительски толкуемых моделей отработанной «светлой личности». Ах, отклонение! Значит, это трагикомично, драматично, сугубо особенно, превратно автором, имеет излишний знак обобщения. Вот, пожалуйте — «Отпуск в сентябре».

Естественно, что за театральным шутковским обликом Фигаро или Хлестакова скрывается авторская идея, тенденция, мироощущение художника своей эпохи. Но это совсем другая проблема, без грубых соотвествий, без сценических оглянок.

В постановке Свердловского ТЮЗа Зилов все сценическое время препровождается на узнавание со своею «компашикой». Вот смотрите, какие мы есть, все хитрованы, а Зилов среди нас лучший, чуть ли не «лишний» человек. Онегин, Печорин, «страдающий эгоист» (Белинский). Виктор Александрович умеет, находчив, а прозябает в жалкой, никому не нужной конторке «сэбэтэн» под началом ничтожного Кушака. Зилов от скуки влюбляет в себя невинную «Мерп» — Ирину. Зилов способен к возвышенным речам о бренности бытия, ничтожестве людей и загадочном очищающем величии природы. Вот он, возвращается